

А.Ю. Носкова

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

ХАРАКТЕР ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ЕКАТЕРИНБУРГА

Аннотация. Статья посвящена анализу образа города в стихах екатеринбургских поэтов: С. Нохрина, О. Дозморова, Р. Тягунова, Б. Рыжего, М. Анкудинова, А. Вавилова, А. Костарева, А. Санникова. Предпринята попытка филологической реконструкции характера и способов обживания городского пространства в современной поэзии города. В результате сделаны выводы о том, что восприятие Екатеринбурга в лирике обозначенных авторов имеет общетипологические черты, характерные для поэтического изображения Екатеринбурга, но зачастую творческая индивидуальность порождает новые смыслы, связанные с городским образом.

Ключевые слова: городское пространство, образ Екатеринбурга, уральская поэзия, поэтическое творчество, поэтические образы.

Место – особая категория искусства, в частности – литературы. То, о чем прозаик или поэт будет писать, зачастую зависит от того, где он будет писать. Город – не просто физическое пространство, а котел культуры, постоянно порождающий новые смыслы и образы, целостный организм и творец.

Создание образа города в литературе имеет прочную традицию. В литературоведении уже давно сформировались такие понятия, как «Петербург Достоевского», «Москва Булгакова». В.В. Абашев пишет: «Человек не выносит смысловой и ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необходимо его осмыслить и ценностно упорядочить» [Абашев 2000: 5].

Нас интересует то, как формируется образ места в лирике наших со-горожан, поэтому основным критерием для отбора поэтического материала является прямое или косвенное упоминание Екатеринбурга.

Существует множество факторов, влияющих на создание

историческая основа, действующие персонажи, городские реалии, городской «язык», биография автора и др. В ходе анализа нам необходимо выяснить, как эти факторы реализуют себя в стихах екатеринбургских поэтов.

Сильнейшее влияние на восприятие города оказали события столетней давности. Революция оставила неизгладимый след в истории Екатеринбурга – расстрел царской семьи, переименование улиц и самого города: «Еще направо, через улочку / из окон виден домик «царский», / в котором император пулечку / имел от власти пролетарской» [Дозморов 1999: URL].

Этот отрывок из стихотворения О. Дозморова можно трактовать двояко. С одной стороны, суффиксы «-ик» , «-ечк» характерны для сознания детей – лирических героев стихотворения (*идут два дружных карапузика / в дом пионеров*) [Там же]. В детском сознании все ощущается гораздо менее значительно. Однако восприятие столь масштабного исторического события в игровой манере становится травестированным и циничным. Сам дом Ипатьева давно приобрел значение грозного символа и является одним из самых популярных, загадочных мифов города.

Двойственность места отражается в двух именах одного города – Екатеринбург и Свердловск, и часто обыгрывается поэтами. В поэтических мирах екатеринбургских поэтов вынужденно сосуществование двух городов: один назван в честь императрицы, второй лишен корней, безродный, но генетически неотделимый от нашего сознания, весьма значимо. Так, например, в одном из ранних (возможно, школьных) стихотворений А. Костарев использует олицетворение: город предстает как живое существо, способное засыпать, улыбаться, у города есть лицо (*ноздри труб, каменный оскал скул, зажатая меж губ Исеть*). Екатеринбург-Свердловск за счет этого приема является не просто местом, а действующим лицом. Причем две ипостаси города не реализуют себя в одном времени, а работают, как сообщающиеся сосуды. «*Екатеринбург уснул. / Свердловск проснулся*» [Александр Костарев: URL].

В стихах А. Санникова есть крайне сюрреалистическая зарисовка Екатеринбурга: «Вот город, протекающий насквозь, /

поставленный как будто наискось» [Екатеринбург 2003: 656]. Поэт видит город рекой, стекающей вниз. Звук движения воды передается на фонетическом уровне за счет аллитерации свистящих («з» и «с»). Мотив испуга возникает из-за перевоплощения места в стихию: «Наклонные полы, / стекающие в узкие углы, – / в них гвозди, содрогаюсь, рыбьей стаей перемещаются вдоль половиц, / но сносит их куда-то вбок и вниз, / в такую даль, что даже я пугаюсь...» [Там же].

Также Екатеринбург воспринимается как город-завод. Неудивительно, ведь именно промышленность дала ему жизнь. Индустриальные пейзажи традиционно сопровождают поэзию Екатеринбурга, делая его суровым, подчеркнуто мужским: «У этого города нету традиций, / бульвара, дворца, фонтана и неги... / Над городом – трубы, над трубами птицы, / под городом – трубы, под трубами – реки» [Там же: 647].

С. Нохрин откровенно вступает в диалог с Маяковским, который в 1928 году написал стихотворение «Екатеринбург-Свердловск». Но если стихотворение В. Маяковского весьма двойственно по своему социальному пафосу, то текст современного поэта однозначен, его атмосферой становится тревога. Мы видим образ пространства, в которое помещен город. Все составляющие этого пространства отделены друг от друга, расположены по уровням, но в центре – город. Он обособлен от всего остального, но все от него произрастает. Ни реки, ни небо не являются частью города, они существуют отдельно. Природное (небо, реки, птицы, лава) от города отделяют трубы. Место окольцовано трубой. Но этот мир – живой, он функционирует, как настоящий организм, в котором пока существует баланс, и его нарушение обязательно приведет к катастрофе: «И глубже нельзя, глубже – *лопнет аорта*, / и выше нельзя, выше – *хрустнут суставы* [Там же].

Зачастую пространство в екатеринбургской поэзии оказывается закрытым. Лирический герой испытывает здесь тревогу, одиночество. Но есть иное восприятие места, например, в стихах А. Вавилова. Город в его лирике не просто открыт, а даже выходит за географические рамки своего существования: «А ты почему-то примерно в Польше, / Точнее, на той стороне

Свердловска». Резко и бескомпромиссно поэт расширяет охват места. Город выходит за предложенные и предписанные ему рамки. Он мыслится центром мира, всего остального будто не существует, поэтому другая сторона Свердловска оказывается рядом с Польшей, то есть с чем-то отдаленным.

Иногда город играет роль фона в создании лирического «Я» поэта, как, например, в стихотворении Р. Тягунова «В библиотеке имени меня». Свойственное поэзии поэта игровое нахальство в первой строчке стихотворения «В библиотеке имени меня» будто бы заглаживается последующей метафорой: «Несовершенство прогибает доски». Стихотворение выстраивает противоречие: «Кариатиды города Свердловска / Свободной кистью делают наброски» [Екатеринбург 2003: 653] – метафоричный оксюморон, кисти в свободных руках у кариатид, руки которых априори заняты, подчеркивает это. Образы кариатид и Троянского коня представляются глобальными, громоздкими. Это, в совокупности с использованием темы древности (кариатиды, Гомер, греки, Троя), создает атмосферу стиха.

Если герой Тягунова вписывает город в реальность времен Гомера и Троянской войны за счет ввода образов древности, то в стихотворении М. Анкудинова Екатеринбург становится местом стечения культурного и исторического прошлого России: «Языческая улица *Есенина*, / белое небо сизыми облаками, / зеленые небоскребы – Екатеринбург [Там же: 729].

Названия улиц – одно из проявлений городского языка. У Анкудинова имена собственные становятся яркими художественными образами. Улица, названная в честь поэта С. Есенина, известного своим чутким видением природы нашей родины, сближает ее с природой. Далее: «И длинная улица *Белинского*, / длинная песня одиночества – / тоже Екатеринбург [Там же] происходит движение от окраин к центру города. «Длинная песня одиночества» – длина обосновывается вполне конкретно – протяженность улицы более пяти километров. Лирический герой и далее «читает город ногами»: «И огненная *Малышева*, / и продажная *Ленина* – / тоже Екатеринбург [Там же]. Малышева и Ленина – городские артерии, проходящие через самый центр. «Огненность» Малышева можно трактовать

двойко: с одной стороны – это огонь революционный, с другой – свет множества фонарей. «Продажность» улицы Ленина, возможно, носит не столько историко-политический характер, сколько конкретно-современный, впрочем, не лишенный политической оценки: на ней в бесчисленном количестве магазинов действительно постоянно что-то продают.

Образ города порой окрашивается поэтами, связанными с ним, не только в сугубо серьезные, но и иронико-саркастические тона. В 2008 году в журнале «Волга» (но не в «Урале») было опубликовано стихотворение О. Дозморова «Метафоры нет лучшей, чем сравнить...». По ритмическому и смысловому содержанию оно приближено к пушкинскому «Вновь я посетил...». Дозморov сознательно отсылает читателя к хрестоматийному стихотворению, дабы усилить сарказм своего возвращения в родной город. Стихотворение написано, так же, как и у Пушкина, ямбическим белым стихом. Оба лирических героя возвращаются в родные для сердца места. Но герой Пушкина посещает его, чтобы вспомнить прошлое, ощутить свободу. Герой Дозморова имеет несколько другую цель: «да что тут объяснять: *родной губернский, / но смело претендующий на званье / столицы третьей* – что уже есть признак / провинциальности глубокой, город, / в котором я родился и люблю / который, *в плане туалетов / (смотри-ка ты, оксюморон какой!) / собой являет полную пустыню / или сплошной публичный туалет*» [Дозморov 2008: URL].

Поэт создает образ сплошного публичного туалета, но родного и любимого города. Он, так сказать, уравнивает «природу и культуру», уподобляет одно другому, но под «природой» здесь понимается простая физиологическая потребность человека, что пронизывает стихотворение жесткой иронией.

В современном литературоведении приняты такие определения, как «Петербург Достоевского», «Москва Булгакова», «Прага Кафки» и др. Думается, что Екатеринбург-Свердловск обладает своим гением места. Олег Дозморov однажды сказал про Б. Рыжего: «Он оказал городу неопределимую услугу – описал его как место жизни и смерти и поместил на карту русской поэзии. И теперь, если поэт живет в

Екатеринбурге, это его ко многому обязывает» [Дозморov: URL]. Центром города и мира в поэзии Б. Рыжего становится не столько Свердловск, сколько Вторчермет – рабочий район на окраине города. Именно в этих фабричных дворах разворачивается место действия: «Там, на ангельском допросе / всякий виноват, / за фитюли-папиросы / не сдавай ребят. / А нето, Роман, под звуки / золотой трубы / за спины закрутят руки ангелы, жлобы» [Рыжий 2015: 512].

Это стихотворение Рыжий написал на смерть Романа Тягунова. Оно построено на контрасте – ангельский «допрос» выглядит как дворовая разборка. Вторчермет перемещается на небеса, в сферу божественного, словно это – религия: «Свет печальный синий-синий, / лёгкий, неземной / над Свердловском, над Россией, / *даже надо мной*» [Рыжий 2015: 512].

Здесь ощутимо незаурядное расширение пространства: Свердловск – Россия, где лирическое «Я» зачастую становится центром вселенной: «Мне наплевать на смерть царя, и равно / Мне наплевать на смерть его семьи. / Мне нужен "Я"» [Рыжий 2015: 31].

Важно отметить, что Рыжий пишет не о себе – он пишет себя. Поэт постоянно играет с читателем, мистифицирует. Причем эта игра идет на понижение (например, если рассматривать лексику его стихов). По аналогии с предыдущим высказыванием: Рыжий не о городе пишет, он пишет город. Потому его Свердловск – «сказочный», он сам его таким сделал. У Рыжего степень «обживания» города выше, чем у многих других екатеринбургских поэтов – он создал его сам: «Городок, что я выдумал и заселил человеками, / городок, над которым я лично пустил облака [Рыжий 2015: 513]. Олег Дозморov справедливо пишет в статье «Герой на грани последнего решения»: «Одна из важных черт его – он не писал стихи по отдельности, а создавал, или конструировал мир» [Борис Рыжий 2016: 129].

Поэзия екатеринбургских стихотворцев имеет весьма неоднородную структуру. Безусловно, прослеживается общетипологическая основа. Город в екатеринбургской поэзии чаще всего предстает тревожным, болезненным, сдавленным и трагически известным местом. Это обуславливается мужским,

индустриальным началом и историей города. Значительную роль также играет изнаночная сторона Екатеринбурга – Свердловск. Но во многом мы видим индивидуально-творческое начало в поэзии наших со-горожан. Например, Борис Рыжий, осваивая пространство «сказочного» города, пишет Екатеринбург (точнее, Свердловск) сам. Делает его таким, каким требует видеть его поэзия, постоянно играет, мистифицирует, конструирует. Рыжий в своих стихах не подстраивается под место, а подстраивает место под себя. Именно это на генетическом уровне связывает поэта с культурным кодом города.

Литература

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000.

Александр Костарев [Электрон. ресурс]. URL: <http://bigcitybuzz.ru/2011/10/alexander-kostarev/> (дата обращения: 10.11.2017).

Екатеринбург: Антология поэзии / ред.-сост.: М. Никулина, В. Блинов, Л. Быков, Г. Дробиз. Екатеринбург : Архитектон, 2003.

Борис Рыжий: поэтика и художественный мир : сб. науч. ст. и докл. / под ред. Н. Л. Быстрова, Т. А. Арсеновой. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016.

Вавилов А. В. Внутри молчания. Екатеринбург : Изд-во «Пинта ветра», 2015.

Дозморев О. Когда вода исчезнет из чернил [Электрон. ресурс] // Арион. 1999. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1999/4/dozmor.html> (дата обращения: 10.11.2017).

Дозморев О. Подошел к самому себе [Электрон. ресурс] // Волга. 2008. № 4 (417). URL: <http://magazines.russ.ru/volga/2008/4/do9.html> (дата обращения: 10.11.2017).

Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных : Избранная лирика. Роттердамский дневник. М. : Искусство-XXI век, 2015.